

Эйви

ПО МОТИВАМ ХАНТЫЙСКИХ СКАЗОК

12+

В.Харин, Г.Мальшев

Виктор Харин

Эйви

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Харин В.

Эйви / В. Харин — «ЛитРес: Самиздат», 2015

ISBN 978-5-532-06347-1

В заснеженном лесу одинокий старик-шаман находит новорождённую девочку. Сердце старика дрогнуло, и он берет девочку к себе. Растит и воспитывает её как свою внучку. Но девочка особенная. Она повелевает огнём, понимает язык диких зверей и птиц, а духи леса почитают её. Она Эйви, дочь пропавшей богини Вут-Ими, защитницы людей. Без Вут-Ими тёмные силы в лесу распоясались. Подземный владыка Куль-Отыр решает уничтожить все живое, для этого ему нужны способности Эйви. Его шпионы рыщут повсюду в поисках девочки, и магия старика не сбивает преследователей со следа.

ISBN 978-5-532-06347-1

© Харин В., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава 1

...Давно это было. Старики не упоминают когда, а если говорят, что помнят, то не верьте им. Темнота вокруг, пока Небесный старик Торум не открыл глаза. Он парил в пустоте без времени на границе сна и яви. Он порвал ткань мироздания на две части. Верхняя стала небом, нижняя морем. Он парил в невесомости и создал Калташ, Мать Жизни, она обратилась уткой и снесла яйцо жизни, но некуда было его положить. Их старший сын Куль-Отыр, обернулся гагарой и нырнул на дно моря. Трижды нырял он и, наконец, добрался до дна. Он ухватил землю и вытащил её на поверхность, но глубокие тени легли на его сердце, в непроглядной тьме пучины он преобразился. Усталая Калташ уронила яйцо на землю. То покатилося и разбилось. И вышли из него два солнца, по небу поплыли облака. Когда заходило одно солнце, поднималось второе, и всегда было светло.

...В памяти людской стёрлось воспоминание о времени, когда боги ходили среди людей. Время, когда мы не знали тьмы, холода, голода. Когда люди и звери говорили на одном языке. Два солнца катилось по небосводу.

...Но тьма в душе Куль-Отыра разрасталась, и решил он поселить в сердца людей сомнения и страх. Он взобрался на небесный купол и столкнул одно из солнц с небосвода. Диск упал и разбился, и мир погрузился в темноту. Ночь заполнили тени, шорохи, страхи, все те, кто до этого прятался в подземелье.

...Осерчал на него верховный правитель Торум, в наказание за проступок заковал ноги Куль-Отыра в чугунные сапоги. Сапоги были настолько тяжёлые, что земля не могла выдержать его вес. Торум поручил младшей дочери, воительнице Вут-Ими, хранительнице людей, найти и вернуть все осколки небесного диска на небо.

...Долго странствовала Вут-ими по земле. Искала осколки. Билась с чудовищами, ходила неведомыми тропами. Наконец, она собрала всё, кроме одного. Второе солнце светило уже не так ярко. И стали люди звать его Луной. А потерянный осколок так и остался лежать на земле, ждать своего часа. Часа, когда ночное солнце вновь засияет с прежней силой.

Грузная фигура нависает над каменным котлом. Лениво булькает чёрное смолянистое варево, медленно надуваются пузыри, они несут в себе картины иных мест.

– Время пришло.

Тени вокруг зашевелились, ожили и липким потоком струятся по шершавым тоннелям подземелья.

Сумеречное небо хмурилось снегопадом. Лес замер в ожидании. Остророгий олень в упряжке бежал уверенно, снег тревожно хрустел под широкими лыжами нарт. Мужчина держался рядом. Белые хлопья летели со всех сторон, подхваченные невидимым плащом северного ветра, застилали глаза, налипали на брови, лезли под накиннутый капюшон. Надо остановиться, переждать непогоду, но что-то толкало охотника вперёд. Предчувствие ворочалось, словно бессонный лесной хозяин в берлоге, и свербело в левом боку, подгоняло, шептало с ветром: "берегись". Охотник торопился. Он хорошо знал эти места. Здесь он на своей земле, где до него ходил отец, и отец его отца, и так с начала времён. В этих угодах ему знакомо каждое растущее дерево, каждый заяц, жмуший большие уши под кустом, и прячущаяся в снегу куропатка. Сквозь пелену снежной взвеси он узнавал очертания приметных камней у поворота реки. Его не сбить с пути, даже если на небе не видно бегущих по небу Лосихи с Лосенком. Каждую зиму, как только чёрный зверь надевал мохнатую белую зимнюю шубу, охотник уходил на промысел и пока солнце не повернёт к весне, жил, ставил ловушки в далёком урмане,

оставляя семью. Как делали все мужчины, до него. И его отец, и отец его отца, вплоть до самого первого Человека. Только в этот раз что-то прогнало зверя, разорило и переломало ловушки. Недоброе пришло в его земли, и торопился он домой, чуя беду.

Олень внезапно остановился. Он беспокойно и шумно вдыхал воздух, озирался и поджимал уши. Охотник приобнял его голову, с ветвистыми рогами, погладил, успокаивая. Кто скрывается за белой завесой? Чьи шаги не слышны сквозь завывающий ветер? Снег рано укрыл землю, Хозяин леса не успел нагулять жир, беспокоен его сон.

Охотник соблюдал лесную правду, и никто из обитателей земли и неба не стал бы причинять ему вред. Окрестные духи замерли в ожидании. Он чувствовал их взгляды, словно натянутая тетива, их волнение и дрожь подсказывали ему, что опасность рядом. Кто-то вторгся в границы его земли, кого со страхом вспоминают при свете яркого солнца. Смерть?

Кто там спрятался в тени? Человек? Зверь? Поваленное дерево. Он вскинул лук. Стрела сорвалась, ушла в силуэт, загородивший тропу. Никого? Он слышал, как звонко ударил костяной наконечник стрелы о зеркало скованной льдом реки. Показалось?

Позади дрожащий вой расколол тревожное оцепенение. Ему вторил голос с дальнего берега замершей реки. Вскоре в жуткий рисунок вплелись новые голоса. Стая вышла на охоту. Чутье охотника твердило мужчине, что он стал добычей. И загонщик – не просто голодный и хищный зверь, а кто-то внушающий страх, чьё приближение сковывает холодом душу, разум и тело. Олень прижимает уши, а зверь спешно убегает с пути. Охотник прыгнул в нарты, взмахнул хореем, и упряжка сорвалась вперед.

Голос погони звучал все ближе. В снежной пелене мелькали быстрые размытые тени. Вот они поравнялись с упряжкой, мчатся справа и слева от неё. Впереди вырос огромный чёрный волк с горящими зелёными глазами. Олень, нагнув голову, на полном ходу откинул его рогами с дороги. Хищник отлетел на добрый десяток шагов и шлёпнулся в рыхлый свежевывающий снег.

Слева мелькнул силуэт, вынырнув из снежной взвеси, зверь прыгнул на спину оленя. Тот шарахнулся в сторону, нарты перевернулись, мужчина не удержался и кубарем скатился в снег, волк свалился поодаль.

Сухой треск над головой и огромный ствол, оцарапав ветвями лицо, вдавил охотника в рыхлый снег. Он только и успел ухватиться взглядом за блеск глаз окружавших его зверей. Зрение его подвело, поплыли плещущие тени запорошённых снегом веток. Попробовал повернуться. Все тело свело судорогой от боли. Приподнял голову, ствол огромного дерева придавил его ноги, ни вытащить их, ни пошевелиться.

Из снежной завесы медленно выступали черные звери, окружён. Руки охотника потянулись к поясным ножнам, но ладонь вместо потёртой деревянной рукоятки сомкнулась на пустоте. Он бессильно стукнул рукой по стволу, звери прижали уши и оскалились. Мужчина руками разгребал снег. Если рыхлый покров принял на себя весь вес тяжёлого ствола, возможно, получится выбраться. Он поднял глаза. По стволу медленно приближался крупный вожак, ступив на грудь, он прижал охотника к земле. Оскаленная пасть щёлкнула в ладони от лица. Острые зубы, горячее скверное дыхание. Вот и все.

С тихим свистом из темноты на загривок волка опустилась узловатая палка. Зверь жалобно взвизгнул и завертелся на месте. Следующий удар отбросил его прочь, волк покатился по снегу. Мужчина повернул голову, над ним стоял могучего сложения человек и посохом отгонял зверей. Лица незнакомца не разглядеть в темноте, закрывал капюшон малицы. Откуда он взялся?

Стая бросилась на незнакомца. Из снежной круговерти упруго выпрыгнул зверь. Человек выставил перед собой узловатую палку. Челюсти волка защёлкнулись на ней, и он повис, перебирая лапами. Мужчина раскрутил и забросил волка в темноту. Однако, незнакомец силен. Второй зверь сзади схватил его за меховую малицу. И, получив палкой по голове, уполз прочь,

поскуливая. Третий бросился на беспомощного охотника, схватил его за рукав и потянул в сторону. Охотник кричал и отбивался второй рукой. Незнакомец ногой отшвырнул злобного волка. Тот отлетел и, ударившись спиной о дерево, замер. Два зверя прыгнули разом, незнакомец сбил их на лету, и оба зверя покатались по снегу. Стая сорвалась и завывая скрылась за белой пеленой. Последним, хромя, уходил крупный вожак. Он бросил полный ненависти взгляд через плечо и растворился в завихрении метели.

Позади жалобно застонал снег, мужчина хотел повернуться лицом на звук, но не смог пошевелиться. Тяжёлые шаги остановились у него за спиной. Сколь охотник ни скашивал глаза, по-прежнему не мог разглядеть случайного спасителя, размытый силуэт на границе взгляда.

– Помоги, незнакомец! Меня придавило деревом!

Рослая фигура на миг заслонила собой все. Две руки протянулись над головой, едва коснувшись лица жёстким рукавом малицы. Незнакомец встал, упёрся ногами в землю и с глухим выдохом приподнял огромный ствол. Мужчина почувствовал, как ослабело и постепенно сошло на нет чудовищное давление, он оттолкнулся, что было сил руками, и вытянул непослушные ноги из завала.

Незнакомец молча повернулся и пошёл прочь, опираясь на палку.

– погоди! – крикнул ему в спину мужчина. – Чем тебя отблагодарить, добрый человек?

– У меня все есть, – глухо ответил тот, не поворачиваясь.

– Приси, что хочешь.

Незнакомец молча вернулся, подводя перепуганного оленя. Нарты волочились следом, царапая снег сломанными полозьями. Он подставил охотнику плечо и помог устроиться на меховой поддёве.

– Что хочу? – Незнакомец на миг задумался. – Отдай мне то, о чем не знаешь и мы в расчёте.

Голос его звучал равнодушно, отстранённо. Мужчина только подумал, странная просьба, что он может не знать на своей земле? Даже если и не знает, значит это не так важно.

– Хорошо. Я согласен.

– По рукам?

– По рукам.

Он почувствовал холодное рукопожатие, хотел посмотреть в глаза незнакомцу, но в темноте не смог разглядеть лицо. Безликий повернулся и пошёл в темноту рассерженной ночи.

С каждым ударом сердце вбивало костяные гвозди сомнений, с каждым новым вдохом изморозь страха проникала все глубже. Что такого в безобидном обещании? О чем он не знает, что не ведаёт? Он обернулся, незнакомец оставлял в снегу глубокие прямоугольные следы с рваными краями и вывороченной землёй.

– Кто ты? – осмелев, спросил мужчина.

– Ты и сам знаешь, – не оборачиваясь, весело ответил тот.

"Что же я наделал?" – обхватил руками голову охотник.

– Ты заключил сделку, – донеслось из припорошённого пургой мрака.

Маленький огонёк резвился в очаге. Дым сизой нитью поднимался вверх к приоткрытому окну чума и устремлялся в ночное пасмурное небо. За многослойными стенами из выделанных кож и мехов завывал беспокойный ветер. У очага сидела красивая женщина, качала на руках мирно спящую девочку и напевала.

Снаружи залаяла собака. Женщина встрепенулась, прислушалась. Пёс лаял не злобно, а радостно. Неужели хозяина учуял? Женщина положила малышку в мягкие шкуры и поднялась навстречу гостю. Морозный туман просочился сквозь приподнятый полог, окутывая заиндевевшую фигуру охотника. Он откинул капюшон малицы, и лицо женщины осветила радостная

улыбка. Меньше он прошёл, больше она пробежала. Обнялись крепко. Он со стоном опустился на пол, она присела рядом и погладила его осунувшееся лицо:

– Где же ты был, я все глаза высмотрела. В мыслях тянулась к тебе, звала, а ты не отвечал.

Понуро охотник отвечал:

– Зверя нет. Далеко ушёл, в урман. Прогнал его кто-то.

– Кто?

Охотник смотрел на жену, видел, как растёт беспокойство в её глазах.

Послышался всхлип. Мужчина замер. Женщина встрепенулась и наклонилась к крохотной запелёнатой девочке. Она вложила в руки остолбеневшего мужа ребёнка.

– Дочка у нас. Родилась пока ты ездил. А ты и не знал...

– А я и не знал... – машинально повторил мужчина, проведя пальцем по лбу спящей малышки – Не знал...

Он провалился в события прошлой ночи: погоню, схватку с волками и безликого незнакомца, спасшего его от верной гибели. Вспомнил своё опрометчивое обещание.

Зло залаяла собака, её лай перешёл в судорожный визг. Снаружи кто-то постучал по деревянной жердине. Они вздрогнули. Друг так не приходит. Одинокое стойбище на берегу реки, на много дней пути вокруг нет ни единого живого человека, и, в случае чего, и помощи ждать неоткуда. Женщина испугано прижала ребёнка. Мужчина нахмурился и сунул за пояс топор:

– Подожди, я сейчас, – он нагнулся, и хромяя, вышел за порог.

На фоне хмурого ночного неба темнела заснеженная фигура человека в капюшоне. У её ног без движения лежал пёс. Кровь стучала в висках охотника, он подошёл вплотную к незваному ночному гостю:

– Что ты хочешь?

Незнакомец развёл руки:

– Должок забрать.

– Нет.

Охотник схватил Безликого за отороченный мехом воротник и отбросил в снег. Тот оступился, неуклюже споткнулся и грузно повалился навзничь.

– Человечишка, – рассмеялся незнакомец. Он медленно поднимался, пока не стал вдвое выше ростом. Малица его трещала по швам. Глаза под тенью капюшона разгорались рябиновым цветом на чёрном провале лица.

Охотник попятился назад, и упёрся спиной в стойку чума, где за пологом замерли беззащитная женщина и маленькая дочка. Он выпрямился, вытащил топор и бросил его в незнакомца. Но топор отскочил от Безликого, не причинив никакого вреда. Охотник замер, он искал на поясе нож, но запоздало вспомнил, что тот остался лежать в лесу, где его преследовали волки.

Безликий рассмеялся глухим и зловещим смехом:

– Убивать тебя слишком просто, – он взмахнул рукой, и охотник повалился на снег, хватая ртом воздух, в следующий миг рыба-налим прыгала по утоптанному снегу. Безликий откинул её ногой на лёд озера, и рыба скользнула в пробитую полынью.

– Остынь пока.

Полог резко откинулся, отблеск очага выхватил из темноты угловатые чугунные ботинки незнакомца. Испуганная женщина вышла, прижимая малышку к груди.

– Где мой муж?

Безликий нависал над ней, заслоняя хмурое небо:

– Он больше никогда не увидит солнечного света. А теперь отдай ребёнка. Он принадлежит мне.

Он тянул к ним огромные руки.

– Ты никогда её не получишь, – гневно бросила она ему в лицо и отступила на шаг. На груди её разгорался ослепительный белый свет.

– Рано или поздно Я получу всех.

Безликий раскачивался, меховая одежда с треском лопнула, и хлынул оттуда поток угольно-черных теней. Они наперегонки устремились к женщине, та закрыла собой ребёнка, пока их не захлестнула слепая яростная волна.

Глава 2

Снег жалобно хрустит под ногами. Вчерашнее ненастье выровняло и скрыло все следы леса, надев новую нетронутую белую шкуру. Ветви деревьев склоняются под тяжестью мохнатых шапок. Искрящаяся белизна. Он медленно бредёт, проваливаясь по пояс в снег, оставляет за собой глубокие, сочащиеся тенями, неровные следы. Уверенно идёт по одному ему ведомым ориентирам. Наконец его взгляд натывается на торчавший из сугроба шест-хорей.

-Все в сборе. – Он раскрывает ладонь и весело подкидывает пять железных колец и каменную подвеску на кожаном шнурке.

Что-то темнеет на прибрежном льду. Он бежит, торопливо раскидывая руками снег, особенно глубокий в низине реки, продавливая телом хлипкие кусты. На берегу он останавливается, не ступив на обманчивую твёрдость замершей воды. В большой меховой рукавице с искрящимся голубым узором лежит ребёнок. Откуда? Он пододвигает её к себе шестохореем, скользит взглядом по ледяному узору на варежке.

-Неужели? – Он громко рассмеялся, вспугнув нахохленную синицу, сидящую рядом на ветке. Девочка смотрит пронзительно голубыми глазами, словно видит его насквозь.

Солнце робко коснулось вершин деревьев, ни намёка на вчерашнюю непогоду. Пёс поднял пегую голову и принюхался. Новый. Незнакомый. Едва уловимый. Запах. Он тянулся незаметным шлейфом из поваленной бурей рощи. Пёс повернул голову к медленно бредущему на лыжах крепкому старику. Звонкий лай разорвал утреннюю тишину зимнего леса. Блики солнца на белом снегу слепили, старик сложил ладонь козырьком. Старый шрам рассекал его лицо, едва не задевая левый глаз. Он пробормотал себе под нос:

– Тише ты. Всех распугаешь, пустобрёх.

Пёс укоризненно посмотрел на подоспевшего ворчуна.

– И не смотри на меня так, – отрезал старик. – За весь день ни одного следа. Белки, и те разбежались. Ты своим лаем даже мышей распугал.

Но пёс больше не смотрел на старца. Вдобавок к запаху он уловил еле слышный детский плач. Пёс сорвался и, что было сил, бросился по снежным торосам на звук. Старик успел заметить, как колечком закрученный хвост мелькнул за деревьями.

– Да погоди ты, торопыга, – досадливо хлопнул он руками по бёдрам.

Пёс его не послушал, а бежал, бежал как никогда, перепрыгивая через поваленные стволы деревьев, зарывался по брюхо в рыхлый снег. Даже льдинка, впившаяся в подушку лапы, подкрашивающая теперь след алым, не остановила его. Его пёсья душа бежала впереди, а он мчался следом. Вот и прогалина. Пёс завертелся на месте. Где же? Где?

Из дупла поваленного дерева раздался еле слышный хриплый всхлип. Пёс привстал на задние лапы и осторожно заглянул внутрь. На него смотрели широко распахнутые зелёные глаза. Он несколько раз вильнул хвостом и высунул язык. Ребёнок глядел на собаку серьёзно, как могут только маленькие дети. Пёс лизнул малышку в лицо, та улыбнулась беззаботной и беззубой улыбкой. Пёс повернул голову, где же ходит этот старик? От звонкого лая малышка вздрогнула и опять заревела. Старик опешил на миг, замер, а затем бросился к псу, утопая в глубоком снегу. Он одёрнул пса за ошейник и заглянул в дупло.

– О, Торум. Ребёнок? Девочка? Откуда? – Старик искал глазами следы. Ничего. – Как же малышка попала сюда? Не птица же тебя принесла.

Старик сбросил рукавицы, засунул дрожащие руки в дупло и бережно достал ребёнка, лежащего в большой тёплой варежке. Старик присмотрелся к вышивке, пробежал глазами по замысловатому мерцающему огненно-красному узору:

– Знак богини Вут-Ими. Значит, она хранит тебя маленькая девочка-эйви. Я так и буду звать тебя, моя Маленькая Эйви.

Малышка беззубо улыбнулась в ответ, и протянула к морщинистому лицу старика ручки. На ладони он заметил маленькое пятнышко, словно след от ожога, закрученная спираль. Узор на варежке медленно угасал. Старик неловко запеленал девочку в шкуры, прижал к себе.

– Что же мне делать? – спросил он пса, тот склонив голову на бок, слушал, а потом как ни в чем не бывало начал выгрызать ледышку из подушечки лап.

– И кого я спрашиваю? – вздохнул старик.

Старик бережно нёс малышку на руках. Она проспала почти всю дорогу. Старик шёл медленно, старательно обходя препятствия. Пёс шнырял вокруг, принимаясь. Когда впереди закурился дымок зимнего стойбища, малышка проснулась и вновь заревела. Пёс крутился под ногами и привставал на задние лапы, заглядывая ей в лицо. Старик приоткрыл дверь низкого, наполовину вросшего в землю дома и протиснулся внутрь, следом прошмыгнул пёс. Старик положил девочку на лавку, и, кряхтя, подбросил дров в едва теплившийся очаг. Дрова полыхнули, сизый дым пополз вверх, к крохотному оконцу под закопчённым дощатым потолком. Мягкие красноватые отблески плясали на стенах, старик скинул малицу и уложил на неё укутанный в меховое одеяло кричащий свёрток. Малышка плакала не смолкая.

Старик совсем растерялся, обвёл взглядом покосившуюся избу. Жил он небогато, да и все богатство лесное только в промысле да удаче, и десятке старых оленей. Но то ли зверь поизвёлся, то ли ушёл куда, зима эта обещала быть трудной. Припасов едва хватило бы на одного. Благо рядом есть река, она смогла бы прокормить старика. Но ребёнок... Пёс крутился под ногами и старался вылизать заплаканное лицо девочки.

– Да не мешайся ты, – ворчал на него старик, он судорожно перебирал короба с припасами. – Наверное, она есть хочет. Чем же её покормить?

Вяленая рыба и мясо отправились обратно в короба следом за сушёными грибами. Ягоды, костная мука – не пойдёт. Он приоткрыл деревянную крышку глиняного горшка, пахло рыбьим жиром. Схватил берестяной туюсок и встряхнул его. Он слушал, как загрохотали о берестяные стенки кедровые орехи. Старик удручённо опустился на пол:

– Для такой малышки ничего нет лучше материнского молока. Но где его взять?

Пёс лапой толкнул дверь и выскочил наружу, запустив холод. Он громко залаял, привлекая внимание старика.

– Вот неугомонный! А дверь-то? – Старик поднялся и недовольно высунулся следом. Перед ним стояла олениха с оленёнком. Старик от удивления не сразу мог выдавить:

– Торум всемогущий, Молоко матери-оленихи. Молодец Пёс.

Тот от похвалы закрутил хвостом, начал повизгивать и прыгать, а старик потрепал его по пегой голове. Пёс юркнул назад, и рёв прекратился. Старик осторожно заглянул, пёс нежно касался носом щёки и уха девочки, лизал нос. Эйви тянула к нему руки и хватала за мохнатые уши. И что-то дрогнуло в сердце нелюдимого старика. То, что он давно потерял в своём сердце и не вспоминал о пропаже.

Старик с облегчением выдохнул, он давно жил один и подзабыл, что такое плач ребёнка, детский смех, человеческий голос. Он неуклюже суетился, но видел, как в ореховых глазах оленихи тлело понимание. Он нацедил молоко в кожаный мешок, проткнул ножом маленькую дырочку и дал девочке. Та жадно зачмокала.

Поев, малышка сразу уснула, крепко, доверчиво. Старик сидел, смотрел, как она спокойно посапывает на ворохе шкур и задумчиво гладила большую варежку. Стоило только вытащить девочку из варежки, как рукавица сжалась до обычного размера и огненный отблеск перестал пробегать по вышитому узору.

Старик скрылся в тёмном углу покосившегося дома и начал что-то искать на полке. Когда он вновь появился в неровном свете очага, то в руках у него был большой, обтянутый кожей

белого оленя, бубен, украшенный по кругу разными символами, и круглая плоская жаровня. Старик высыпал в жаровню щепотку порошка из сушёных трав и опустил маленький уголёк. Порошок закружил сизым дымом и потянулся вверх, к окну дымохода. Старик провёл бубном над очагом, вслушиваясь в упругую вибрацию натягивающейся кожи. Он сел, закрыл глаза и глубоко вдохнул едкий дым жаровни. Медленно он потянулся за ним, воспаряя в небо, все выше и выше. Вот он увидел вдали чёрное пятно остывающего пожарища. В воздухе чувствовалась горечь гари и желчь злобы. Что же там случилось? Он потянулся вперёд, выпустив прозрачные крылья, но чёрная молния, мелькнув перед глазами, сбросила его вниз. Он, кувыркаясь, летел вниз, пока не рухнул в своё немолодое тело.

– Охраняй, – велел он встрепенувшемуся на его движение псу, а сам взял топор и вышел наружу.

Отойдя от стойбища на два полёта стрелы, он спрятался в тени разлапистой ели и исчез для любого, кто мог бы его видеть. Спустя миг он появился неподалёку от дымящихся развалин рухнувшего чума. Дым поднимался от сгоревших лабазов, колья чума повалены. Никого. Ни оленей, ни собак. Он долго ещё смотрел сквозь мохнатые ветки на чёрный утоптаный снег.

Решившись, он вышел. На покрытом пеплом снегу явственно виднелись следы борьбы. Он присел и стал внимательно читать их. Образы вставали перед его глазами. Его ноги ступали след в след, они уверенно скользили в смертельном танце, рука опускалась и поднималась, рассекая воздух. Следы воина остановили свой бег. Упряжка? Откуда? А тут был мужчина. Он-то куда подевался?

Растерянный взгляд старика нашёл ребристые квадратные следы тяжёлых ботинок. Рука его замерла. Старик присел и начал обводить пальцем огромный след. Он провалился в тёмный тоннель воспоминаний, в конце которого сидел мальчик перепачканный золой и кровью, он растирал грязными руками слезы по рассечённому лицу.

От стойбища остались только головёшки. Никого и ничего не уцелело. На щеке его багровеет рана. Свет заслонила огромная фигура, мальчик, защищаясь, поднял руки к лицу. Так было тогда...

Старик сидел, задумавшись, гладил застарелый шрам на лице. И как тогда, тень упала ему на плечи. Он резко обернулся, сясь против солнца рассмотреть заслонившую свет фигуру...

...Старик возвращался, вид его был задумчив. Глаза на бледном морщинистом лице рассеяно бегали по сторонам. Широкие подбитые мехом лыжи, оставляли глубокие борозды в рыхлом снегу среди деревьев. Он часто озирался, словно опасался погони. Тихой незаметной тенью скользил за ним чёрный ворон. Старик остановился у густой разлапистой ели. Мохнатая ветка склонилась над его головой под тяжестью белой пушистой шапки. Только старика там уже не было, он незаметно прошептал в кулак несколько слов, развернулся на месте и пропал. Пернатый соглядатай, покружив немного над этим местом, неслышно улетел прочь не найдя следов старика.

Внезапно снежные шапки на плечах ближайших деревьев рухнули вниз. Тяжёлые шаги сотрясали землю, треск ломаемых веток заставил обитателей леса поглубже забраться в свои норы.. Кто-то большой протискивался сквозь лес. Мимо двигалось невиданное доселе чудище. Ожившее дерево, толстые руки и ноги, огромная угловатая голова с косою трещиной рта, морщинистая кожа крепче коры дерева, глубоко посаженные рябиновые глаза. Он шёл напролом, не разбирая троп. На его плечах покачивались тесные деревянные клетки. Сквозь прутья тянули руки плачущие дети, от мала до ещё меньше. Ветви деревьев бессильно хлестали великана, стелились под ноги, но не могли остановить его уверенный ход. Вскоре исполин скрылся из виду, и треск ломаемых деревьев затих вдали.

Старик вышел из-за ёлки, нахмурился и поправил заплечный мешок.

– Что ты задумал Куль? – проворчал он.

Когда до родного стойбища было рукой подать, старик остановился, вынул из-под меховой малицы метёлку, сплетённую из сухой травы. Огнём высек искру, вспыхнула метёлка, старик задул огонь, закурилась горькая пожухлая трава. Окурил он себя едким дымом, перешагнул тлеющие угли. Краем глаза заметил, как маленькая чёрная тень, мышью выпала из складок его одежды и юркнула в дупло ближайшего дерева.

Когда он протиснулся в низкий проём двери, девочка проснулась и захныкала. Но старик первым делом ссыпал краснеющие угли очага в глиняную плошку и бросил туда горсть травы. Потянулся густой едкий дым, со слезящимися глазами старик прошёл по дому, окуривая каждый угол. Пёс, чихнув, с интересом наблюдал за ним, но, не вытерпев, выскользнул за дверь. И только после старик взял на руки девочку и покормил жирным молоком оленихи через кожаный мешок. В тепле его рук она снова уснула.

– Сколько же у тебя недругов, Маленькая Эйви. Но я никому не дам тебя в обиду, – прошептал он и, уложив спящего ребёнка на мягкие шкуры, тихо вышел, затворив за собой дверь.

– Идём, – позвал он пса, снова взял широкие лыжи на оленьем меху, сунул за пояс топор и по свежему глубокому рыхлому снегу отправился в лес, приговаривая:

– Дерево мёртвое, для мёртвых дел, дерево живое для живых.

Он бродил вокруг стойбища, выискивал и высматривал ведомое ему одному. Вскоре он нашёл, что искал: крепкую толстую берёзу. Он погладил её гладкий ствол шершавой ладонью и прошептал:

– Прости меня, хозяин леса, не я тебе ущерб чиню. Прости и ты меня, доброе дерево, не себе в угоду, а нужна мне люлька надёжная для дитя несмышлёного. Присмотри за маленькой Эйви, доброе дерево, даже если меня рядом не будет. Пусть спит она крепко, а сны дурные облетают её стороной, и хворь никогда ни осмелится подойти близко к её изголовью.

Тяжело вздохнуло и зазвенело мёрзлое дерево, глухо стучал топор. С тихим стоном повалилось, ломая ветви. Старик оставил на осиротевшем пенёчке цветную ленту. Едва он скрылся, как на острый пень встал маленький гибкий берестяной дух, похожий на стружку, обвязался лентой и истаял, как и не было его, но этого уже никто не видел.

Уже на стойбище, сидя на чурбаке возле дома, старик тщательно обтесал древесину. Неловко орудуя ножом и топором, ссыпал стружку себе под ноги, пока из округлой и сырой деревяшки не стали проступать угловатые черты. Пёс лежал у его ног и, как обычно, слушал рассуждения хозяина:

– Это шутки Небесного Старика, что сидит на небе в золотом доме. Все перевернулось на закате лет. Это у тебя мохнатого забот нет. А я вот не думал, что мне хоть раз придётся устилать люльку сухим мхом, да опилом...

Он задумался и отложил работу, предавшись воспоминаниям.

– Бабушка меня в детстве наставляла, убирать за младшей сестрой, говорила, – старик изобразил высокий, едкий голос, – следите, мол, чтобы ничего не пропало, всё сжигайте до последней крошки, и опил, и мох, детьми подмоченный. Все знают, что это плохой знак, если тёплый, после люльки, мох попадает чужим, так и до беды недолго, можно и ребёнку навредить. Он криво усмехнулся:

– Странная... Только, дескать, вороне по весне можно, она в нем лапки отогреет и быстрее солнышко принесёт. Это в детском-то... отогреет...

Старик вытер рукавом одинокую слезу и потрянул головой, прогоняя наваждение.

– Это сколько лет я не вспоминал?... – С досадой сказал он. – Их давно уже нет, а память осталась.

Старик молча продолжил орудовать ножом. Стружка разлеталась в разные стороны.

Наконец, люлька была готова. Она больше напоминала неровное строганное деревянное корытце, сделанное старательно, но неумело.

– Надеюсь, Эйви понравится.

Старик, склонив голову, любовался своей работой и прицокивал языком:

– Ну как? Хорошо?

Пёс почесал за ухом. Старик раздосадовано махнул на него рукой. А девочка только открыла глаза, сладко зевнула и снова уснула крепким детским сном, когда он укладывал её в подвешенную на столбы дома люльку.

После старик долго сидел у догорающего очага в полумраке, разглаживал варежку и смотрел на умелую вышивку. Затем он тихо поднялся, подошёл к люльке и положил варежку девочке, та тревожно причмокнула во сне. Старик лёг к противоположной стене, отвернулся, но долго ещё ворочался, ожидая сновидений, пока, наконец, не уснул. Он не заметил, как люлька сама собой раскачивалась невидимой рукой, и женщина склонилась над девочкой, пела ей песни и расчёсывая волосы. Эйви спала и улыбалась.

Глава 3

Болотный газ с присвистом горит в плоском железном светильнике на стене промозглого и сырого подземелья. Отбрасывает причудливые тени на неровный гранитный свод. Девочка сжимает голубую рукавицу, лежит в каменном котле, иссечённом грубым узором. Сильная рука качает его, как колыбель.

– Её нигде нет, – холодный бесцветный голос, стоящего рядом с Ним, тощего белёсого старика с жидкой бородой внушает страх. – Возможно...?

– Нет, она где-то там. Ищите! – Смутная тень спешно скользит по стене. Старик вздрагивает и спешно выходит. Приказ настигает его в темноте тоннеля:

– Выпусти холодные ветра, загони людей в дома, там то мы быстро всех переловим. Старик склоняет острую голову и растворился в угольной темноте.

Он бьёт ладонью по котлу. Девочка вздрагивает и всматривается в лицо, глазами ищет взгляд или тень улыбки, но над ней нависает только чёрный провал капюшона.

– Кто-то ей помогает. Прячет от меня. Мои тени в неведении. Неужели... – темнота капюшона зарделась красным искрами, Он щёлкает пальцами. От стены отделяется криволапый силуэт. Острые когти гулко царапают каменный пол. Зверь угодливо стелиться по полу.

– Найди хитрого старика. Он словно лис спрятался в своей норе. Я не вижу его, мои шпионы не находят его. Иди в его родовые земли. Проверни каждый камень, загляни под каждую корягу.

Когти яростно высекают икры, зверь косолапо бежит по сумрачному тоннелю.

Он наклоняется к голубоглазой девочке.

– А чем ты мне будешь полезна?

Стенки каменного котла покрывает такая вязь изморози.

– Вот оно что, – гулкий смех эхом отражается от низкого тяжёлого потолка и теряется в глубине лабиринта каменный тоннелей.

Плач разорвал ночную тьму. Старик вскочил спросонья, споткнулся в потёмках о верного пса, упал, больно ударившись локтём. Чиркнул огнивом. Трут чадил, и, наконец, разрубил темноту острием пламени. Весело затрещала береста, огонь перепрыгнул на тонкие ветки в погасшем очаге, озарив дом красноватым заревом, и наполнил его едким дымом. Пёс крутился возле люльки. Когда старик подошёл к ней, то девочка устремила на него рассеянный взгляд, казалось, она смотрит сквозь бревенчатые стены дома в студёную пасмурную ночь. Он поёжился, словно пахнуло холодом из невидимого окна. Девочка всхлипнула. Он прижал её к себе, качал и пел старую песню, слышанную ещё от матери. Наконец, после порции тёплого молока, девочка уснула. Старик бережно уложил её в люльку. Он задумчиво почесал подбородок, и, засунув руку под малицу, снял с шеи амулет, кривой коготь медведя на прочном витом кожаном шнурке, и положил девочке в люльку.

– Спи, Маленькая Эйви. Теперь ночные кошмары минуют тебя, – прошептал старик, покачивая люльку. – Я тоже не люблю темноту.

На обратном пути к своей лежанке он бросил большую валежину в прожорливый очаг, и тот радостно принялся её обглаживать. Пёс устроился рядом, и, положив пегую голову на сильные лапы, не спускал глаз с люльки.

Старик долго не мог уснуть, вглядываясь в пламя. Он вслушивался в стылую темноту леса за бревенчатой стеной дома. Как стонали скованные стужей деревья, как сквозил меж стволов яростный ветер.

Время шло, месяц коротких дней истаял, унеся за собой месяц мёртвых вод. Земля повернулась шершавым боком к лету, и лесной хозяин повернулся в своей берлоге, проспав ещё месяц малого наста. С месяцем вороны зазвенели ручьи, запели птицы. Лес преобразился. Все вокруг малышки – неизведанное, новое, таило в себе множество непредсказуемых опасностей.

С высоты прожитых лет старик перестал удивляться размеренному ходу дней, но Эйви раскрасила их разноцветными красками. Она вселила в сердце старика одновременно радость и тревогу. Когда она впервые перевернулась, вместе со старой деревянной люлькой, старик больше не спускал с неё глаз. С тех пор, когда уходил в лес, всегда брал её с собой, усаживая на широкие плечи.

В доме он сделал ей новую люльку. Берестяной короб с высокими бортами крепился на ремнях к потолочной балке, а Эйви любила сидеть и раскачиваться в нем, словно в небесной лодке, снося все в доме. Однажды Эйви выпала, старик чудом успел её подхватить, а малышка, как ни в чем не бывало, схватила его за нос, и они вместе долго смеялись. Хмурое лицо старика светлело, когда он придерживал за поводок люльку, иначе Эйви так сильно качалась, что могла перевернуться.

В вороный день он достал старые деревянные куклы в расшитых одеждах, пуская на них дым, он поставил перед ними еду, отдавая дань духам-хранителям, духам-предкам. До самого вечера он пел, шумел и веселился, на радость девочке, зазывал в гости тепло. А Эйви в новой люльке, смеялась над тем, как старик смешно кривляется, и, хохоча, тянула к нему руки. Так в эти земли пришла весна.

Едва сошёл снег, оставив чернеющие прогалины, старик стал собираться к переезду. Испокон веков каждую весну люди уходили на летнее стойбище к реке или озеру. Там много сочной травы для оленей, меньше вездесущего гнуса и богатые рыбные места.

Перед отъездом он заглянул в дом, окурил едким дымом из плошки углы, вытянул топор из-за пояса, провёл им за порогом и вышел. Едва закрылась дверь, как с дальней полки прыгнул доселе незаметный деревянный остроголовый человечек и сел, скрестив сучья рук, на пороге. А старик, подойдя к упряжкам, взмахнул хореем, и пара передних куцорогих оленей неспешно тронулись в путь.

Старые быки сами знали дорогу, они равнодушно брели среди высоких древесных стволов. Старик уверенно шагал по тайге рядом с нартами и нёс на руках девочку. Пёс радостно бежал впереди, то и дело срываясь вглубь леса за шустрой белкой или стремительной птицей, а старик говорил, но уже большей частью с Эйви:

– Смотри, девочка, идущие облака, бегущие облака. Я человек, объезжающий земли, я человек, объезжающий реки. Мои предки ходили по этой земле, били чёрного зверя, били красного зверя. И я совершаю круг по своей земле, чего живому человеку-то на месте сидеть? Куда бы ни ступала моя нога, чего бы ни касалась моя рука и куда бы ни устремлялся взгляд – мой низкий-высокий дом. И духи, обитающие в мире, и жившие до меня предки связывают каждый камень, корягу, родник, излучину, в живую землю – Ях. Я чувствую дыхание своей земли, как паук чувствует напряжение паутины, как рыба чувствует течение. Я плыву по этому течению долгие годы, и сам не помню, сколько раз чёрный зверь менял свою шкуру на белую. И моя земля исчезнет вместе со мной. Я научу тебя обходить землю, смешиваться с облаками. Если что-нибудь получится, то получится, если нет, Торум так сказал.

А девочка крутила головой. Для неё мир был заполнен разными чудаками, но они не играли ней, а только выглядывали из трещин деревьев, стояли на пеньках, тянули шеи из высокой травы, беззвучно корчили рожицы и прятались, стоило им приблизиться. А старик, словно ничего не замечая, нёс её на руках сквозь прорехи деревьев в большой, новый и увлекательный мир.

Весенний лес надевал зелёную одежду. Прогадины расцветали крохотными солнцами. Почерневший снег трусливо прятался в тенях могучих стволов и под раскидистыми лапами елей. Птицы в нарядном убранстве сквозили меж деревьев, заливаясь переливчатыми трелями. А за нартами, перепрыгивая с ветки на ветку, следовал ловкий и осторожный горноста́й. Старик тревожно обернулся, а хитрый зверёк юркнул за раскидистый комель выкорчеванного непогодой дерева. Когда упряжка скрылась из виду, за узловатым корнем поваленной ели горноста́й превратился в призрачного человека. Он улыбнулся, поправил лук за спиной и взметнулся в небо на искрящихся лыжах, словно и не было его. А может, и вправду, не было?

Летний чум старик всегда ставил на пологом склоне недалеко от воды. Река в этом месте делала разворот и устремляла свои воды далее в иные земли, извиваясь среди мохнатых еловых лесов. В месяц прилёта гусей многочисленные заводи наполнились крякающими жильцами. Они прилетали и, горделиво выпятив грудки, скользили по проколотой камышом и осотом водной глади.

По утрам с реки поднимался густой туман, он придавал знакомым предметам необычные очертания. В дымке они приобретали размытость и казались живыми. Старик выносил Эйви из чума, и они встречали рассвет. Эйви протягивала руки, но туман уходил сквозь пальцы, наконец, она высовывала язык и старалась лизнуть, но туман был не вкусный. Туман оседал на высокой траве крупными бисеринками росы. Солнце ласково касалось их тёплыми ладонями, а они впитывали в себя солнечное тепло и искрились. На лодке-долблёнке старик выходил на реку и проверял снасти. Эйви и пёс оставались на берегу.

С самого первого дня пёс души не чаял в ребёнке. Когда она начала ползать, то он ни на шаг не отходил от неё. Следил, чтобы она ненароком не сунулась в костёр или не уронила на себя что-нибудь. Стоило ей приблизиться к пылающему огню или неровно уложенной поленице, как он бережно брал её зубами за ворот малицы и переносил в безопасное место. Девочка обнимала его, прижимаясь к тёплому мохнатому боку.

Много позднее, когда Эйви делала первые неуверенные шаги, держась за ошейник пса, тот смиренно шёл рядом, и подставлял большую голову, жмурился, когда, соскользнув, она руками хватала его за уши. И он терпел все попытки оседлать его верхом. Стоило только ей забраться на него, как он садился, и девочка скатывалась по мохнатой пегой спине на землю. Эйви заливисто смеялась, а пёс радостно лаял, на шум прибежал встревоженный старик, но, увидев, что все в порядке, качал головой и возвращался к своим обычным делам.

То там, то здесь в дальних уголках старикова владения попадались следы. Хитрый зверь ходил кругами, оставляя на земле глубокие борозды когтей и слегка подвёрнутый оттиск лап.

Несколько раз пёс, ощерившись, срывался с лаем в сторону, но умудрённый опытом старик перехватывал его за кожаный ошейник.

– Тише, – осаживал его ярость старик. – Беду притащишь нам за хвост. Пусть ходит. Мы его не видим, он нас не видит. Пусть так и будет.

Но пёс не понимал мудрёных слов старика, но он запомнил этот запах и возненавидел его всем своим пёсым нутром.

Солнечные дни месяцев рыбохода и заторов сменились затяжными дождями. Весь месяц гниения листвы вода лилась из серого брюха большой мохнатой тучи. Она улеглась на подошву изрезанных ветром западных гор и щедро одаривала жителей низины. Даже воздух сочился влагой. В редкие передышки, когда солнце отодвигало ленивую тучу и гладило промокшую землю тёплыми лучами, лес наполнялся вибрирующим звоном комариного писка и гудения мошкары.

В один из таких хмурых и пасмурных дней огонь в очаге мигнул и погас, расстилая паутину едкого дыма по чуму. Вода струилась по земле, превращаясь в потоки грязи, чавкала под ногами и никак не хотела уходить. Да и некуда ей было уходить, она была повсюду. Вверху,

внизу, вокруг. Старик вздохнул и застучал огнивом. Искры сыпались на подготовленный сухой трут. Тот дымил, но никак не хотел разгораться. Старик в полголоса помянул духа огня.

Эйви, перепачканная сажей, стояла на четвереньках с другой стороны очага и с интересом смотрела за тщетными попытками деда. А он, не замечая её, ворчал себе под нос, остервенело чиркая кресалом по кремню. Пёс лежал на деревянном настиле пола, высунув нос за порог. Эйви чихнула, и трут, вспыхнув, опалил старику брови. Тот удивленно крикнул, хлопнул себя ладонями по лицу и задул тлеющую косичку. Эйви рассмеялась весёлой игрой и тоже хлопала ладошками себя по лицу. Но старик испугано вскочил и тревожно выглянул наружу. Он подозрительно оглядел притихший намокший лес. Вернувшись, он достал из напоясного кошелька горсть сухих трав и бросил в разгорающийся огонь. Едкий сизый чад заполонил чум. Незаметный сгусток тьмы выпорхнул из под настила и заметался, спасаясь от вездесущего дыма. Эйви закашлялась, а старик резко метнул тяжёлый нож в стремительную невесомую тень. Лезвие, разрубив клочок угольной тьмы, глубоко вошло в стойку чума и яростно дрожало. Старик вынул нож, вытер о сапог и хмурую вложил в ножны.

После того случая старик и начал подмечать, что девочка несёт в себе тепло. То ей на руку сядет лесная птица, то осторожный горностаи спустится с дерева. А бывало, что идёт она по лесу, а деревья сами ветви отодвигают, чтобы не задеть малышку.

Раз она шла, поскользнулась на припорошённом снегом льду. Больно ударилась, упала, заревела. Старик поднял её и прижал к себе.

– Не плачь, моя маленькая Эйви.

Она обняла его руками за шею и прижалась к щеке:

– Икки, – всхлипнула она, назвав его по имени, и это было её первое слово. Улыбка не сходила с лица старика, пока он нёс её.

Шерстистый зверь перекатывался с боку на бок, поочередно подставляя их солнцу, а мир старика наполнился нескончаемым звоном вопроса «почему»:

– Деда, а почему Пёс не разговаривает? – девочка старалась оседлать сидящую собаку, а та крутилась и облизывала шершавым языком её лицо.

Старик, сидя на бревне, чинил рыбацкую сеть, вплетая новые нити из сухожилий животных, он с удивлённым прищуром посмотрел на играющую рядом Эйви.

– Не говорит? Он же пёс...

– Но птицы в лесу говорят, звери. Все говорят, а пёс нет. И олени нет. И комары.

Старик почесал подбородок и хлопнул по чурбаку рядом с собой, девочка уселась рядом и внимательно следила за работой старика, как его руки сплетали многочисленные узлы.

– Не знаю, правду говорят или нет, но песни поются у зимних очагов. Пока жили долгий век или жили короткий век люди и звери как один народ. С дальней земли, широкой реки, жили как братья и во всем помогали друг другу. И пели на одном языке. Куль-Отыр, ведомый тенью внутри него, посеял вражду и сомнения среди них и каждый запел на своём языке. А те, кто ушёл с человеком, свой язык забыли, а людской не выучили. Так и ходят безмолвные. Вут-Ими спустившись с небес, стала говорить и за людей и за зверей. А как она пропала...

– А куда пропала?

Он закончил работу и встряхнул сеть, посмотрел на хмурое небо и промолчал. Эйви нетерпеливо покрутилась на колоде, но не дождалась ответа и вернулась к своим играм.

– Деда, а почему? Деда, а как? Деда, а зачем?

Вопросы так и сыпались на него со всех сторон, он то хмурился, то улыбался, и на каждый вопрос отвечал сказкой или увлекательной историей. Старик, хоть и ворчал, но в душе расцвёл, и зияющая внутри пустота наполнялась новым смыслом.

Вопросы рождались неожиданно и, порой, сбивали старика с толку. Иногда взрослым трудно отвечать на детские вопросы, не потому, что они не знают ответ, а потому что не знают,

что ответить. И самый неожиданный вопрос, который может выпалить неугомонный ребёнок, это:

– Деда, а откуда я взялась?

Старик в это время пробовал горячую рыбную похлёбку, он поперхнулся и почесал голову деревянной ложкой:

– День ли, ночь была, не помню, а сидел я однажды, думал. Три бы котла с рыбой вскипело, так долго или недолго думал, а тут с крыши капелька стекла, мне на ладонь упала и тобой обернулась. Видно, небо мне тебя подарило.

– Значит, я богиня, – засмеялась Эйви, прыгая на одной ноге вокруг очага.

Зверь ворочался, подставляя солнцу бока, и год за годом старик и девочка совершали свой круг по земле.

– И откуда вы все налетели? – с досадой спросила Эйви, отгоняя мошек и слепней от новорождённого оленёнка.

Старик усмехнулся. Он сидел на колоде перед летним чумом и чистил тяжёлым ножом свежую рыбу, вытер лезвие о штанину и спрятал нож в ножны. Свалив требуху, хвосты и головы псу, старик протянул девочке руки:

– Иди сюда, расскажу.

Эйви забралась старику на колени и устроилась подмышкой. Вокруг них сгушалась сказка:

– Давно или не очень, жил на свете злой менкв-великан. Когда бродил он по земле, то головой раздвигал бегущие облака, головой разрезал идущие облака. Под тяжестью его шагов прогибалась земля, стонала она под ним. Его могучие ноги исходили дальние земли, ближние земли, оставляя за собой раскуроченный лес. Никому проходу не давал. Ни человеку, ни зверю, ни птице перелётной. И пришёл он к людям Великой реки, полноводной реки. Кликнули люди заступницу Вут-ими. Вышла она на берег низкий, вышла она на берег высокий. Золотом сияют её доспехи, жаром пышет её дыхание, холодом сковывает её дыхание. Задрожала земля, потемнело небо, покраснела река. Семь раз небесный золотой старик менял свою солнечную упряжку. Семь копий было сломано, семь палиц разбито, семь сабель затуплено. Одолела Вут-ими великана. Рухнул он словно поваленное дерево, кедр так падает, лиственница так падает. Собрались люди на праздник, заложили большой костёр, до самого седьмого неба, до самого золотого крыльца. Но сердце менквы было настолько черным, что пепел его превратился в гнус зудящий, комаров, мошку да оводов злых и разлетелись они по миру. Жалят людей и зверей нещадно. Пройдёт древнее время людей, наступит вечная эпоха людей, а гнус так и будет кусать и роиться над болотами.

Эйви слезла с колен старика, надела на голову берестяной туесок, взяла палку и прыгала вокруг мирно лежащего Пса:

– Я могучая воительница Вут-ими. Беги, злой менкв.

Пёс поднял голову и лизнул Эйви в лицо. Та от неожиданности упала на мягкое место.

– Не балуйся, а то луна тебя утащит, – улыбнулся старик, складывая рыбу в корзину.

– Как так? – девочка поправила съехавший туесок.

Старик взвалил корзину на плечо и отправился к стоящей в стороне коптильне. Эйви своенравной тенью следовала позади и твердила: "расскажи, расскажи". Старик поставил корзину и неторопливо топором начал снимать стружку с ольхового полена для коптильни.

– Малые дети, несмышлёные дети шли по воду. Из реки вышла высокая луна, низкая луна. Дети малые, дети несмышлёные, бросали грязь в сверкающую луну, в бронзовую луну. Та рассердилась, подхватила детей и унесла на верхнее небо, на седьмое небо. И поныне видно, на полнолицкой луне грязные следы и ребятишек, что пытаются её отмыть. С тех пор ночью дети не шалят, а спят, не то луна к себе заберёт.

Непослушный туесок опять съехал на бок, Эйви выпрямилась и гордо заявила.

– Не заберёт, я заброшу на неё верёвку и привяжу к нартам. Буду кататься, а она мне светить.

Следующим утром старик собирал рыболовные снасти и услышал голос Эйви в чуме, краем глаза он заметил, как маленькая трясогузка выпорхнула прочь из приоткрытого полога и скрылась среди стволов могучих сосен:

– С кем это ты там разговариваешь?

Эйви высунула голову, и озорная щербатая улыбка осветило её лицо.

– Птичка прилетала, рассказала, что на реке рыбы нет, ушла. Не надо больше снасти ставить.

Старик махнул рукой:

– Ишь, какая ты, я столько лет по реке хожу, а ты – птица на хвосте принесла...

Взвалив на плечи снасти, он ушёл, но вечером улов его был скуден. Он вернулся черные тучи с пустой корзиной, а может. и права девочка? Но виду не подал.

– Что там ещё птица сказывала? – мрачно спросил он.

Эйви пыталась приладить стрелу к самодельному луку, но та все соскальзывала с тетивы и падала вниз. Девочка недовольно бросила их на землю.

– Говорит, совсем река обмелела, рыба вверх не идёт. Русло огромными валунами великан засыпал. Ни стрелы его не берут, ни зубы, даже огонь ему нипочём.

Старик вздохнул, он поднял лук со стрелой, намотал и натянул сильнее тетиву и отдал Эйви. Та наложила стрелу, тетива упруго загудела, и стрела ушла в густую траву на берегу. Эйви обрадовалась и обняла деда. Старик задумчиво гладил её шершавой ладонью по голове:

– Совсем поизносились земля. Не родится уже зверь, птица не прилетает, теперь и рыба ушла... – Он сел на колоду и смотрел, как течение реки неспешно несёт свои воды, и жмурился от бликов заходящего солнца. Эйви пристроилась рядом и прижалась к боку старика. – Раньше, когда на земле была благодать Вут-Ими, реки и леса были полны. Однажды и я поклонился ей. Её святилище на далёком острове, посреди бездонного озера.

Эйви закрыла глаза и скользила стремительной трясогузкой над поверхностью реки. За излучиной блеснуло зеркало озера и каменный остов далёкого острова. Девочка следовала за тихим голосом старика и рисовала себе картины далёких земель.

– Раньше раз в жизни каждый свободный человек посещал её святилище и нёс ей свои дары. Пел её духу песни, просил об удаче на охоте и промысле. Повязывал на дерево разноцветную ленту. Сейчас об этом забыли. Может, потому и оскудели эти места, что люди перестали верить в неё. Ты бы видела, как весь остров, украшенный лентами, словно колышется на ветру. Лодки скользили по зеркальной поверхности туда-сюда, словно стайки птиц. И если на земле где-то и осталась сила тепла и любви, то это там.

Искра не успела потухнуть, а вот уже семь раз земля повернула свой бок в сторону солнца. Семь кругов сделали старик и Эйви по земле, каждую весну перебираясь на сочные луга вдоль некогда богатой рыбой реки. Девочка подросла и во всем помогала дедушке. Когда он тащил хворост, она несла свою маленькую вязанка. Или била острогой рыбу на мелководе. Когда старик черпал берестяным ведром воду в реке, то и она несла следом небольшой туесок. Запрягал оленей старик сам, Эйви только гладила смирных быков по голове. Глядя на неё, он расцветал, а она в ответ дарила ему лучезарную выщербленную улыбку. Но иногда тёмная тень пробежала по лицу нелюдимого Икки.

Эйви думала, что они одни на всей земле. Временами, особенно ближе к зиме, старик все более замыкался. Он без конца окуривал стойбище одежду, оленей. Едкий дым поднимался из маленькой поцарапанной бронзовой плошки, такой старой, что скоро в ней на просвет станет

видно стылое небо. А Эйви смеялась, когда, спасаясь от дыма, выпрыгивали маленькие черные точки и устремлялись прочь. Но как она ни старалась, не могла их догнать и схватить. Они растворялись в тени или терялись в черноте земли. А старик рассерженно осаживал Эйви:

– Не тронь!

Он мог всю ночь просидеть у мигающего очага, с закрытыми глазами, тихо петь незнакомые песни. И песни эти были не такими весёлыми, какие он пел вместе с Эйви, о земле, богах и героях. В них не было жизни, а половину слов девочка даже не понимала.

Той осенью старик, как обычно, разбирал чум, собирался к переезду на зимовье. Снял покрывку, вытащил колья из земли и сложил рядом. Эйви подошла с узелком:

– А почему ты все ломаешь? Оставил бы так, весной чинить не надо.

Старик разогнулся и ласково посмотрел на девочку:

– А как же иначе? Земля-то живая.

Он взвалил на плечо колья и понёс к последним нартам. Эйви вприпрыжку бежала следом.

– Я её поранил, когда чум ставил. Палки воткнул, – старик уложил колья, присел на корточки и взял ладошку Эйви. – Это все равно, что если ты ладошку занозишь. А так я занозу вытащил, ранки земли заживут, и будет она здорова. А то через ранки всякая болезнь лезет.

Эйви посмотрела на ладошку и согласилась. А на дереве притаился чёрный как смоль ворон. Он сорвался с ветки и спикировал, едва не коснувшись их голов. Старик вздрогнул, втянув голову в плечи, и проводил его недобрый взглядом. Из ямки выпрыгнула чёрная, похожая на мышь, тень. Он незаметно придавил её ногой.

Эйви заметила, что как Икки не старался, эти тени были повсюду, сновали везде. Они напоминали чёрную маслянистую жидкость, сочились и таились в темных местах. Стоило ему перевернуть горшок, или переложить связку шкур, как едва заметная тень торопилась укрыться в тёмном месте. Старик всегда тщательно вычищал каждый угол жилища, окуривая каждый столб. Едкого дыма тени боялись, прятались и убегали.

А сейчас он торопился, искоса поглядывая по сторонам, на сердце было беспокойно.

Видя, что дедушка не в духе, Эйви решила его удивить, и принести ему в дорогу мёд диких пчёл, старик любил сладкое. Сердитые пчелы никогда её не жалили. Эйви схватила берёзовый туесок и незаметно скрылась в лесу. Пёс, как обычно, увязался следом.

Лес шумел, что-то тревожное билось среди древесных стволов. Эйви прислушалась. Пёс, не раздумывая, бросился сквозь разлапистый ельник. Девочка бежала следом, злые ёлки хлестали её по лицу, корни попадали под ноги и стонали «не ходи». Пёс перескочил через ручей, помчался по высокой рыжей осенней луговой траве. Посередине поляны возвышалась толстая высокая сосна со сломанной верхушкой. Пёс бросился на ствол и яростно лаял, исступлённо подпрыгивая до нижних ветвей. Эйви догнала его и обняла, успокаивая. Что-то двигалось там, в тени густых ветвей. Тёмный силуэт проворно карабкался по стволу. Только раздавался шершавый звук длинных когтей, царапающих грубую древесную кору. Пёс давно узнал этот запах, что долгое время оставался на стволах и камнях по границе земель, и всей своей песьей душой ненавидел его.

Эйви знала, что на вершине этого исполина свили гнездо благородные орлы. Из гнезда показалась смешная голова с большим клювом, рядом вынырнула ещё одна. Они издали протяжный тревожный клёкот и забили немощными крыльями. Но промчавшийся ветер не принёс могучие крылья родителей.

– Не тронь птенцов!

– Ос-стань, глупая девс-сенка. – сверкнул острыми клыками зверь и продолжил карабкаться наверх.

– Ах так! Тогда я собью тебя на землю, – Эйви бросила в зверя шишкой. Та, не пролетев и половины пути, упала и ударила Эйви по лбу. Больно. Поморщилась. Потёрла рукой.

– Тс-с-с-с, – бесшумно рассмеялся зверь. – Глупая с-смелая девос-ска. Ес-сли я не с-сьем птенс-сов, то полакомлюс-сь тобой.

Пёс зарычал и поднялся, уперев лапы в ствол, не сводя глаз с опасного хищника.

– Спускайся! Трусишка! Только умеешь, обижать птенцов. Я тебе не по зубам.

– Трус-сишка... – зверь спускался прыжками с ветки на ветку и замер над головой ярящегося пса.

– Ах, и кто у меня сегодня на закус-кус-ску? Маленький человечек и его щенок.

– Вот тебе, – Эйви запустила ещё одну шишку, та стукнула росомаху по носу и отскочила. Росомаха стремительно прыгнула, Пёс бросился наперерез, и звери покатились по земле волчком. Челюсти щелкали, шерсть летела клочьями. Клубок тел ударился о дерево и распался. Пёс сделал шаг, взвизгнул и поджал переднюю лапу. Росомаха проворно забралась на толстую ветку и приготовилась к новому прыжку.

– Уходи! – Эйви подняла с земли новую шишку и бросила в опасного зверя. Шишка вспыхнула и опалила бок зверя. Росомаха испугано свалилась с дерева.

– Прочь!

Вторая шишка прочертила опалиной другой бок. Росомаха перекувыркнулась в воздухе и косолапо засеменила в лес. Прежде чем скрыться за деревьями, она обернулась и прошипела:

– Ты ес-се пожалеес-с, глупая девс-сенка.

Пёс, хромая, подошёл к девочке и уткнулся большой лохматой головой ей в подмышку.

– Бедненький, – Эйви гладит свалывшуюся шерсть головы. – Покажи.

Пёс протянул пораненную лапу.

– Все заживёт, – Эйви закрыла глаза и гладила лапу. На лице девочки играли отблески. Тепло ладоней растеклось по телу.

Пёс неожиданно лизнул её в лицо и выхватил лапу. Эйви открыла глаза, пёс припадал перед ней, вилял хвостом. Она подняла глаза. Старик стоял рядом задыхаясь от быстрого бега. Он недовольно посмотрел на девочку, но ничего не сказав, угрюмо развернулся и пошёл обратно на стойбище к собранным нартам. Эйви, чуя за собой вину, понуро поплелась следом, только Пёс все оборачивался и нюхал переплетения ветров.

Росомаха тем временем протиснулась в лаз под раскидистыми корнями старого дерева и косолапо помчалась по тёмному узкому тоннелю...

Глава 4

Утреннее солнце легко касается верхушек вековых сосен на склоне горы. Свинцовая поверхность воды покрыта ледяным крошевом. Тонкая замершая рука пробивает спокойствие озера и цепляется в висящую над стылой водой ветку. Измождённая женщина наполовину выбирается из воды и валится лицом в обжигающий снег. Пепельные волосы выбиваются из капюшона, обрамляя бледный овал лица. Она поднимает голову. Зелёные впалые глаза, устало мерцают в черных провалах теней. Подняться не хватает сил. Она на четвереньках выползает на рыхлую холодную зимнюю шкуру, дует, согревая дыханием покрасневшие озябшие руки.

Надо идти. Подняться по крутому склону каменистого холма. Ноги соскальзывают. Промокшая насквозь одежда, облепленная снегом, задубела на промозглом ветру.

В разрыве стройных древесных стволов мелькает свет. Женщина последним усилием переваливается через острие вершины и, застонав, опускается на камень. Вокруг в лучах восходящего солнца искрится поверхность гладкого озера посреди снежной тайги. Да истёртые ветром и солнцем грубые личины старого святилища слепо таращатся в холодную даль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.